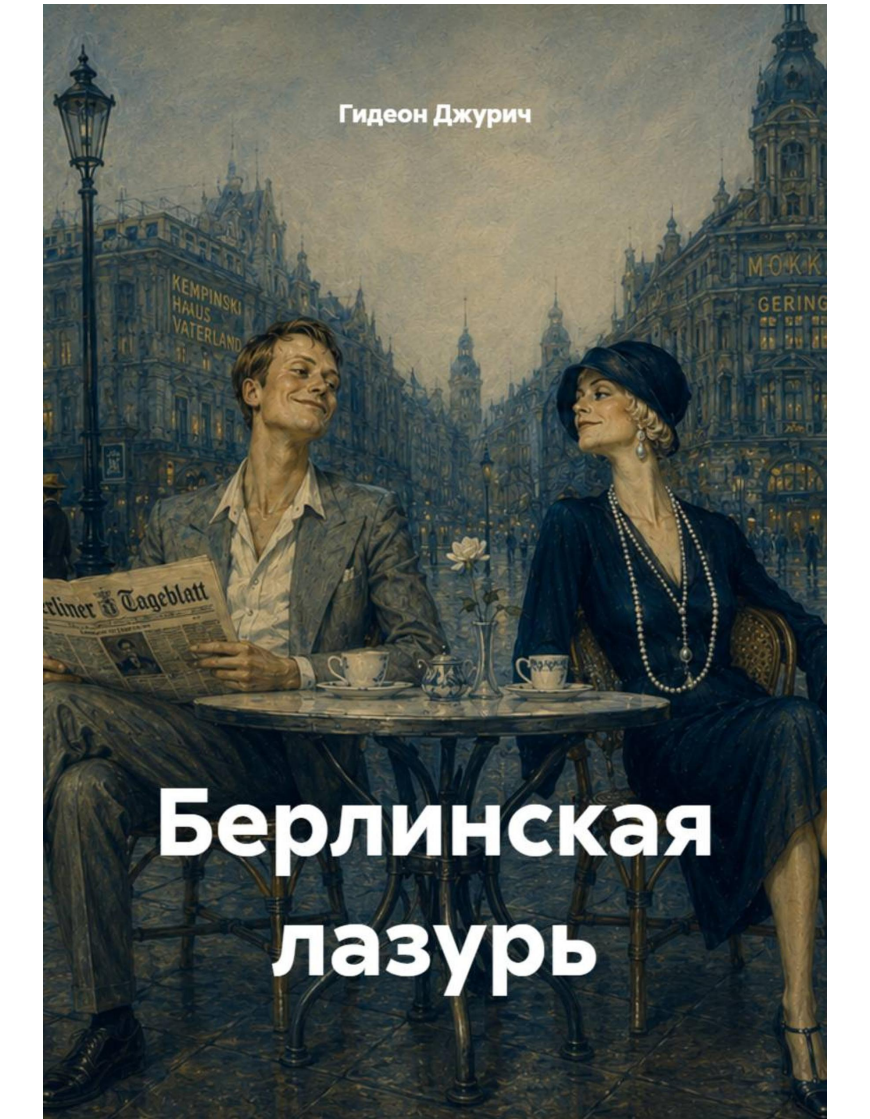

A detailed oil painting depicting a man and a woman sitting at a small, round, dark metal table on a cobblestone street in Berlin at night. The man, on the left, is wearing a light-colored shirt and a grey jacket, holding a newspaper titled "Berliner Tageblatt". The woman, on the right, is wearing a dark blue dress and a matching hat, adorned with a long pearl necklace and earrings. They are both looking upwards and to the right with slight smiles. On the table are two cups of coffee and a small vase with a single white rose. In the background, the ornate architecture of Berlin is visible, with signs for "KEMPINSKI HAUS VATERLAND" and "GERING" on the buildings. A street lamp is visible on the left, and the overall atmosphere is romantic and nostalgic.

Гидеон Джурич

Берлинская лазурь

Гидеон Джурич

Берлинская лазурь

<https://litres.ru/74245292>

SelfPub; 2026

Аннотация

Новый роман в декорациях ретрофутуризма - начинается двадцатый век.

Берлин конца 1920-х годов. Девушка, которая шьет, проходит вавилонский карнавал 20-х, имперский ритм 30-х и кровавую баню 40-х. Но пока она об этом не знает. Просто живет.

Содержание

Синий павлин

4

Конец ознакомительного фрагмента.

29

Гидеон Джурич

Берлинская лазурь

Синий павлин

—В «Синем павлине» вход бесплатный!

—Что? —Ева подняла голову от строчки, —Не может быть!

—В «Синем павлине» вход бесплатный! —Лотта отдышалась, бросила пакеты на пол, прямо в туфлях прошла в комнату, —Но есть один нюанс

—Я так и знала! —Ева разочарованно склонилась над шитьем снова, —Слишком хорошо, чтобы быть правдой!

—И да, и нет, подруга.

Лотта тяжело упала в кресло, скинула туфли и с наслаждением вытянула ноги, забросила их на подоконник. Закурила, откинувшись. Длила театральную паузу, наслаждаясь минутой своего триумфа.

—Ну, говори же! —Ева не выдержала первой.

—Вечеринка называется «LHeure Bleue», —сказала Лотта, откидывая рыжие кудри от сигареты, —Вход бесплатный для тех, кто в синем. По-настоящему в синем! Не считаются украшения, аксессуары, обувь, галстук и подтяжки у мужчин. На входе комплимент – синее шампанское бесплатно!

Ну разве не здорово?!

—И да, и нет, подруга, —повторила Ева, —И да, и нет.

—Что не так?

—Самая малость, —Ева постаралась удержать ехидный тон, —У нас с тобой нет ничего синего! А так – пустяки.

—Я и это предусмотрела!

Лотта поднялась из кресла с торжествующим видом. Достала из пакета синее платье – корсетный лиф, пышная тюлевая юбка, верхний слой украшен блестками.

—Застежка сломана, но я уверена, ты что-то придумаешь!

Зови меня фея-крестная, детка.

Конечно, платье не сошлось.

—На ребенка оно сшито, что ли? —Ева с досадой заглядывала себе за спину в высоком зеркале.

—На артисток кордебалета, —Лотта огорченно покачала головой, —Они же все крошки

—Помоги снять, —Ева наклонилась, и Лотта стащила с нее платье за подол, —А теперь надевай ты.

—Но

—Просто надень! Я посмотрю, что можно сделать.

Лотта натащила платье на себя, подперла грудь руками.

—Ну что там, сзади?

Ева задумчиво рассматривала ее со спины, потом их обеих в зеркале. Лотта – маленькая и вертлявая, казалась субтильной, но пышный бюст категорически не лез в узкий корсет. Ева чуть повыше, но сложена совершенно иначе – узкие

бедра, худые острые плечи, небольшая грудь. Она бы в корсет влезла, если бы грудная клетка была узкой, как у Лотты.

—Стой так, —скомандовала Ева.

Он метнулась к швейной машинке, высыпала из коробки катушки ниток в поисках нужного цвета. Нашла, вдела в иголку, завязала узелок. Подхватила большие раскройные ножницы.

—Ты должна его вернуть? —порылась в сумочке, сняла цепочку с ключей.

—Нет, —прошептала Лотта, —Оно никому не нужно, застежка порвана

—Отлично!

Ева уверенно сунула ножницы ей за пазуху и чикнула корсаж между грудей на всю длину лезвий. Лотта взвизгнула, но не от страха, а от восторга. Ева приложила концы цепочки к верхнему краю разреза, уверенно закрепила синей ниткой.

—Сделай грудь вперед! Так нормально? Отлично, не двигайся.

Она быстро зашила платье по спинке. Крепкие уверенные стежки, хватит на один вечер, и на дольше хватило бы, но придется распороть, чтобы снять.

—Если захочешь заняться сексом, не снимай платье – порвешь нитки, заново не зашьешь. Задерешь юбку и снимешь трусики. Главное не потеряй потом.

—Вот здорово! —Лотта вертелась перед зеркалом, — Значит, переходим к плану Б.

—У тебя есть план Б?

Лотта метнулась к своим пакетам и достала пузырек.

—Давай покрасим что-нибудь! Я взяла в костюмерной!

—Берлинская лазурь, —прочитала Ева этикетку, —Краска для растительного волокна. Лотта, этим можно покрасить только лен и хлопок. И то Темный цвет не возьмется, а если покрасить что-то цветное — смешается и не будет синим.

Но Лотта не готова была признавать поражение. Это было совсем не в ее правилах. Она задумалась лишь на секунду.

—Покрасим тебе волосы.

—Волосы? Но

—Наденешь зеленое платье! Ты будешь павлин!

—Но волосы не считаются!

—Волосы даже больше, чем одежда! Их снять нельзя! Давай, тащи полотенце и садись.

Обвязавшись под мышками старой простыней, чтобы не испачкать платье, Лотта уже шумела на кухне — выдвинула табурет на середину, звенела посудой, разводя краску. Она подкрашивала свои светло-рыжие волосы хной и знала, как это делается.

Ева смотрела на себя в зеркало. Мальчишеская фигура, жилистые руки и ноги, талии почти нет. Не женщина, а подросток, которого доела жизнь. Как будто собаки глодали. То ли дело Лотта — миниатюрная, но пышная в нужных местах, хотя ест так же мало, а курит много.

Ева сжала губы. Не время для сожалений. Такой типаж

нынче популярен, а талию в модных прямых платьях вообще не видно. Надо использовать свою внешность по полной, и если есть малейший шанс попасть в дорогой клуб бесплатно — она его не упустит!

Она решительно прошла в кухню и села на табурет.

—Давай. Жги.

—Вот и отлично! —Лотта накинула ей на плечи полотенце, защекотала кисточкой по вискам, —Волосы это растительные волокна?

—Нет.

—Но они же растут?

—Да.

—Ничего не понимаю, —пожаловалась Лотта, но по ее тону было очевидно, что она и не хочет понимать.

Короткие пепельно-русые волосы намокали от краски, голову холодило, но по шее не текло. С каждой минутой Еве становилось все более безразлично, смывается краска на следующий день, или нет. Все равно! У нее короткая стрижка, через несколько месяцев отрастет. Да и кого можно удивить в этом Вавилоне синими волосами? А если это будет выглядеть странно — Ева меньше всего на свете хотела выглядеть странно — то она будет повязывать голову косынкой, а по улице ходить в шляпе.

—Отлично, готово!

Лотта вымыла под краном миску и кисточку. Достала из шкафа бутылку и сделала глоток.

—Не кисни, подруга! —бодро заявила она, —Нам нужна премедикация.

И правда, то, что Лотта называла премедикацией, было необходимо. Весело стать должно прямо сейчас, а еще в клубе очень дорогие коктейли.

—Все будет о-ля-ля!

Да и в самом деле! Ева протянула руку.

—Не выбрасывай флакончик, —она глотнула из бутылки, —Если что-то пойдет не так, хоть этикетку покажу аптекарию.

—Глупости, —флакончик звонко улетел в ведро, —Все пойдет, как надо. Интересно, сколько ее держать?

—Я думаю, —сказала Ева, —Что ее вообще не нужно смывать. Просто вытрем полотенцем и высушим.

—Почему?

—Потому что если будем смывать, то она смоется! А так подержится хоть немного.

Через полчаса она и сама чувствует, что краска подсохла. Лотта вытирает полотенцем почти насухо, и Ева смотрится в зеркало. Цвет пронзительный, как крыло амазонского попугая. Короткая стрижка в сочетании с яркой синевой смотрится Нет, не странно. Странно это когда помада смазалась или съехал чулок. А это — сразу видно, что специально, что так и должно быть. Она выглаживает волосы щеткой.

—Очуметь, —заключает Лотта, —Какое платье наденешь?

И тут они обе начинают смеяться. У Евы всего одно при-

личное платье, и Лотта об этом знает. Об этом все знают, кто видел Еву хотя бы раз – потому что если у тебя одно хорошее платье, ты носишь его везде, пока оно не износится. Или не выйдет из моды.

Зеленое, шелковое, скроенное по косой – капризное платье. Цвет ей вроде бы не к лицу – к голодной бледности, пепельным волосам и серым глазам зеленый не очень подходит, Но Еву это мало волнует. Ей нравится цвет, в нем она ощущает себя по-особому. И продавался остаток ткани очень дешево.

Но зеркало свидетельствует, что с насыщенной синевой волос и ярким макияжем зеленый не так уж и плох.

—Губы накрась, —Лотта оттесняет ее плечом от зеркала, красит рот темно-красным, —Синий и зеленый – ты как из тифозного барака.

—Если еще свисток накрашу красным, —парирует Ева, ничто не может уже испортить ей настроения, особенно беззлые подколки Лотты, —Буду как из чахоточного госпиталя!

—Ты бледная!

—Сбледнула! —и они снова хохочут.

Наконец, Ева находит в косметичке румяна. Она редко ими пользуется, потому что здоровый румянец не очень естественно выглядит на впалых щеках и не особенно сочетается с голодными глазами. Но сейчас это именно то, что нужно. Она осторожно растирает нежную краску на скулах,

придавая лицу хоть какую-то живость. И кончиком пальца красит румянами губы.

—Получше, да?

— Знаешь, — задумчиво говорит Лотта, —Если бы ты притворялась красивой, у тебя бы не получилось. А когда ты не притворяешься – получается.

Она достает пудреницу и пуховкой касается ее висков, проводит по ключицам и шее, по открытой спине.

—Что это?

—Золотые блески. Прихватила как-то из гримерки, так и знала, что понадобится!

Лотта трогает золотой пудрой свои щеки, наносит полосами чуть выше корсета и между грудями в синей темноте за цепочкой, оттеняет волосы у лица. Действительно, золотистый блеск делает их Загадочными.

В последний момент, когда дверь уже открыта, Ева брызгает духами на запястья, на макушку и в вырез платья. Лотта сует плоскую фляжку за подвязку чулка. Сумочки будут проверять, но уж под юбку не полезут.

—Дай подушиться.

—Не дам.

—Зараза.

—В рот три раза.

С этой перепалкой они выходят на улицу.

Очередь к «Синему павлину» видно за два квартала.

Очевидно, что вечеринка уже началась – кто же приходит

к началу? Из клуба доносятся звуки джаза, в «Павлине» всегда хорошая музыка. Очередь – вся в синем разных оттенков – движется быстро. И все равно медленно: уж очень много желающих.

—У тебя есть шарф? —спрашивает она Лотту.

—Откуда? —та закатывает глаза, —Зачем?

—Накину на голову, хочу пойти посмотреть, как пускают.

—Иди так!

—Не могу! Нельзя, чтобы они заранее меня увидели. Мы должны напасть неожиданно!

Перед ними стоит компания – три девушки и двое мужчин – высокий крепкий брюнет и элегантный блондин. Брюнет оборачивается, привлеченный их разговором, видит ее волосы. Ева настороженно следит, как он поступит. Начнет кричать? Скажет, что она обманщица? Попытается прогнать их? Но он хмыкает, снимает шарф и протягивает ей. Ева накидывает его на голову – белый, как фата невесты – и идет вдоль очереди. Никто не хватает ее за руки, думая, что она попытается войти без очереди – на ней зеленое платье, не синее. Она совершенно безопасна.

У дверей полиция цвета. Контролер на входе – subtilный юноша с лихорадочно блестящими глазами – и за его спиной двое бугаев в ремнях и перевязях. Тем не менее, Ева ни секунды не сомневается, что именно нервный мальчишка доминирует над обоими громилами. И возможно, не только в клубе.

—Это не по правилам!

У двери мнется парочка — она в лиловом платье и синем боа, у него синий галстук и подтяжки. Они не пытаются что-то доказать, мужчина пожимает плечами и уводит свою спутницу без споров. Разумно.

—Это не синий, фройляйн, это голубой.

—Это синий!

—Вот синий, — он сует в лицо ярко синюю ленту, — Вот синий, — поддерживает брючину, чтобы показать синий носок, — Ганс, покажи еще синий!

Охранник за его спиной — здоровенный бугай в белой рубашке — с ухмылкой начинает расстегивать ширинку. Видимо, там синие подштанники, нашел, чем хвастаться, думает Ева, но он прав. Платье на девице не синее. Голубое, зеленое, бирюзовое, мятное, какое угодно, но не синее. Он прав. И чем строже полиция цвета, тем больше у нее шансов.

Она возвращается. Лотта уже всю болтает с соседями.

—Ну как, строго?

—Не волнуйся, ты точно пройдешь, — она сняла шарф, глянула мельком — не покрасился, — Спасибо.

—Да уж, — он накинул шарф на шею поверх синей рубашки, — Вы-то точно попадете внутрь, не беспокойтесь.

—Оказывается, синий это такой сложный цвет, — Лотта закатила глаза, — Вот у меня ни одного синего платья!

—На мне любой синий смотрится, как форма гимназистки или горничной, — согласилась Ева.

—Краска дорогая, —одна из девушек впереди закружилась, подол оглушительно-василькового платья раскрылся вокруг ног.

—Все дорогое, —второй мужчина, блондин, пожал плечами, —Что ж теперь, не жить?

В руках у него ключи от машины и Ева отметила, что он их вертит, хотя лучше бы спрятал в карман. У кого в нынешние времена есть машина? Наверное, он очень богат. Тогда почему стоит в бесплатной очереди? Мог бы заплатить за вход. В мире за все можно заплатить.

Вторая спутница расслабленно взглянула на Еву и вдруг сняла с запястья бутоньерку. Темно-голубая крашенная роза, синие перья какой-то птицы, павлинье перо с глазком, шелковый бант. У нее на голове был ободок с таким же пернатым воланом – наверняка заказали набор в салоне заранее. Она надела резинку Еве на запястье.

—Тебе это больше нужно, —уронила равнодушно и снова отвернулась.

—Спасибо, —пробормотала Ева, не уверенная, что та ее слышит.

Может же себе позволить, подумала она с внезапной острой завистью. Украшение даже выглядело дорогим, но видимо девушке, которая стояла у дверей клуба в синем платье с двумя богатыми мужчинами, это было безразлично. Ева вспомнила слова Вальтера: «Никто из нас не знает, переживет ли эту ночь».

На третьей девушке впереди платья было ослепительного ультрамарина, такое яркое, что резало глаз, расшитое бисерным узором из павлиньих перьев, которые сверкали и переливались, лишая ее фигуру четкого контура. В глубокий вырез на спине спускался жемчужный сотуар, встречаясь внизу с бахромой на подоле платья. И больше никаких украшений, открытые руки, длинная шея. Как красиво, подумала Ева, поправляя свой новый аксессуар. На другой руке у нее был перстень с огромным стразом-стекляшкой, купленный на барахолке в год назад. Надевала она от силы раза три.

Лотта глотнула еще из фляжки и протянула ей.

—Что там? —внезапно заинтересовался блондин с ключами.

—Шнапс, —Ева протянула ему фляжку.

Он сделал глоток, и на секунду она испугалась, что он допьет, и им ничего не останется. С другой стороны – порой богатые люди щедры, что им стоит угостить девушек коктейлем? У них три спутницы, но они не выглядят особенно веселыми.

Ева прикусила язык – она сама не выглядела особенно веселой, чем ей постоянно упрекали. Только ленивый – и Вальтер – не говорили ей, что она слишком серьезная, слишком сложная. Несомненно, все хотели ей добра – если быть проще, то люди к тебе потянутся. И только Вальтеру было все равно, какая она. Он сам был веселым, шумным, заводным, таким ярким, что хватало на двоих. И ему не надо было

уговаривать ее, за веселье в их паре отвечал он. А ей было намного проще смеяться, когда он начинал первый. Вот бы встретить его в клубе!

Когда блондин вернул фляжку, Еве показалось, что она не только не пустая, но даже потяжелела. Она сделала глоток, тепло прокатилось по телу.

—Как будто полнее стала, —прошептала Лотта, пряча фляжку за резинку чулка.

—Гидди, ты опять? —непонятно спросил брюнет и блондин смутился, сунул руку с ключами в карман.

Конечно, они прошли внутрь без всяких проблем.

Так же быстро и Лотте повязали на запястье синюю ленточку – пропуск на вход. Ева выскочила из-за ее спины, как чертик из табакерки.

—Это не синий, —привычно, раздраженно произносит нервный контролер, и запинается, поднимая глаза.

—Синий, —дерзко говорит Ева и делает шаг вперед.

—Это не —он вдруг запинается, —Не по правилам. Нужна синяя одежда.

—Одежду можно снять, —парирует Ева, —Мне начинать?

И демонстративно закидывает руки за голову, как будто собирается стащить зеленое платье.

—Да! —кричат громилы из-за его спины.

—Нет, —произносит юноша, опасный, как хлыст, —Нет, фройляйн, есть правила, и

В его голосе нет той уверенности. Ева делает шаг вперед, приближается к нему вплотную. Если она все верно поняла – хоть бы она все верно поняла! – то Если перед ней доминант Черт возьми, перед ней доминант, да еще и обдолбанный! Вальтер рассказывал ей про такое, показывал в клубах подчеркнуто brutальных мужиков, и неожиданно томных, грациозных, с опасным блеском в глазах. Когда мужчины меряются силой в этих играх, каждый тайно хочет встретить кого-то сильнее себя.

—У меня синие волосы, —она прижимается к нему грудью, проталкивает колено между его ног, —И я пройду. Ни у кого такого нет. Даже у тебя.

Последние слова она шепчет ему на ухо, прихватывает мочку зубами. Он едва слышно стонет, сбоку надвигается громила, но нервный принц вскидывает руку, останавливая его.

Он молча сует ей в ладонь синюю ленточку, пальцы начинают дрожать. Она замечает, что и глаза его уже подернулись дымкой, и поспешно убегает внутрь. Блондин, который был перед ними в очереди, ей вслед хлопает в ладоши – стоял и ждал развязки, понимает Ева. Может и коктейлем угостит!

Она хватает бокал с подноса. Лотта уже пьет, смеется. Синее, искристое, шампанское кружит голову, но еще сильнее – она смогла, она прошла! «Синий павлин» – один из самых модных клубов, а у нее даже синего платья не было!

—Кто молодец? —кричит она, перекрикивая музыку.

—Ты молодец! —Лотта вскидывает руку.

Танцевать, столик им не нужен, компания не нужна! Клуб кажется огромным, сцена с музыкантами, зеркальный шар, лучи прожекторов в дыму.

Музыка такая красивая, какой она в жизни не слышала. Труба и саксофон словно соревнуются, кто кого. Трубач закидывает мелодию – резкую, насмешливую, почти агрессивную. Саксофон отвечает – плавно, с ленцой, как пьяный кот, который потягивается после долгого сна. Контрабас поднабивает их, подбадривает, а пианист склонился над клавишами и выглядит так, словно ему и дела нет до остальных.

И все люди в синем. Бесконечная подвижная масса, танцуют и уходят с площадки, садятся за столики и встают, говорят, курят, танцуют. Ева ощущает себя частью этого человеческого моря. Она бежит танцевать.

С одним, с другим, одна, снова с кем-то и снова одна. Ей так весело! Один из партнеров угощает шампанским, уже не синее, видимо на вход отработали до конца и приветственный напиток закончился. Синее было веселее, но она даже знать не хочет, чем они его красят. Кажется, она произнесла это вслух, потому что спутник ее смеется и что-то говорит в ответ.

—Я скоро вернусь, —Ева щелкает замочком сумочки, как будто хочет достать помаду, и выскальзывает с площадки.

Возле туалета толпа девчонок, все галдят, курят, красят губы, отталкивая друг дружку от зеркала. Весело. Откуда-то

появляется Лотта, помада смазана, но платье в порядке.

—Пойдем скорее, я нашла нам компанию!

Тащит за руку и Ева послушно возвращается в зал. Она смутно надеется, что компания – те самые двое мужчин с де-вушками, которые стояли перед ними в очереди, но нет. Лотта представляет незнакомцев по очереди, Ева кивает и даже не слушает имен – какая разница, они ее тоже не запомнят! Ей пододвигают бокал – кто-то заказал на всю компанию. Их много, человек десять, все разговаривают, смеются. Ева откидывается на спинку стула, подносит бокал ко рту. Это ее способ веселиться – смотреть на людей и ощущать себя рядом с ними.

—Ты чего такая грустная? —кричит один из них.

Ну началось, думает Ева, закатывая глаза.

—Все в порядке?

Она показывает жестом, что все отлично, надеясь, что от нее отстанут, но нет. Парень пробирается к ней поближе, просит кого-то пропустить его, меняется местами. Усаживается на соседний стул и закидывает руку на спинку за ее спиной.

—Чего серьезная такая?

Начало стандартное, как по нотам. Он пьян, но не очень сильно. Веселый, обычный парень, который хочет завязать знакомство. Ничего особенного, просто Она делает глоток и движение рукой: все отлично!

—Тебе здесь не нравится?

Раньше Лотта часто вступалась за нее, одергивала тех, кто приставал с вопросами, или сводила все к шутке, она это хорошо умела. Но потом Ева попросила ее не делать этого. Она сама должна постоять за себя. Не потому что у нее это лучше получается, а потому что так выглядит еще глупее — как будто она не может сама ответить и подруга вынуждена ее защищать.

—Улыбнись! Тебе идет улыбка! Ты сразу красивее становишься!

Самый тупой из стандартных подкатов, Ева морщится. Можно подумать, она родилась на свет, чтобы вот таких, как он, радовать!

Она кидает взгляд на Лотту. Весь вид подруги говорит: только дай знак, и я приду на помощь. Но она не собирается давать знак, она сама должна. В конце концов, это не первый раз, и не последний.

—Я и так прекрасна, как восход, —с насмешкой говорит она.

Нервный хлыст из полиции цвета внезапно оказывается рядом с ней. На нем нет ничего синего, поэтому она сразу его замечает. Ева страшно пугается, но ничего не происходит, он кладет руку на спинку ее стула.

—Это твой парень? —снисходительно кивает на того, кто приставал к ней с глупостями.

Видно, он имеет вес в этом клубе, думает Ева, потому что прилипала затихает и сдувается.

—А что, похоже на то? —она вскидывает голову, отбрасывая челку от лица.

—Вообще нет, —принц смеется, глаза у него блестят, как масло.

Он подает ей руку, и она принимает. Страшно, но не так неприятно, как выслушивать от чужих людей претензии к выражению ее лица. Обнимает ее за талию и ведет танцевать. А танцует очень хорошо, ведет уверенно, и хотя он с ней почти одного роста, ей хочется положить голову ему на плечо. Он наглый, уверенный в себе, и здесь, в клубе, он по праву. Не то, что она.

—Приставал к тебе?

—Да Нет Да! —внезапно Ева злится: по какому праву каждый урод позволяет себе высказываться о том, что она недостаточно мила?! —Спрашивал, почему я не улыбаюсь.

—А почему ты не улыбаешься? —он спрашивает то же самое, но не так, ему хочется ответить К тому же он и сам не особенно улыбочив.

—Не хочу!

—Правильно Ни к чему улыбаться каждому ничтожеству.

—Только тебе? —она проверяет его.

—И мне тоже не нужно, —говорит он без доли шутки, — Я такое не люблю.

Господи, думает она, неужели нормальный парень? Неужели обдолбанный доминант оказался более адекватным, чем обычный мужчина в клубе? Или это с ней что-то

не в порядке?

—А какое любишь? —а вдруг, мелькает шальная мысль в голове, а вдруг.

—Храбрых, —шепчет он, —Как ты. Дерзких. Отчаянных. Он мурлычет, как кот, и Ева почему-то думает о том, где двое его громил, смотрят из угла, как он с ней танцует, или ждут его где-то в клубе, или делают свою работу, следят за порядком? Плохой парень? Так и она – не то чтобы хорошая девочка! Да и честно говоря, он не противен Ева немного боится, но тот, который остался за столиком гораздо неприятнее.

—У меня вообще-то есть парень, —Ева знает, что это не причина, она просто флиртует, проверяет его.

—У меня тоже, —он смеется, он тоже знает, —Твой парень и мой парень

—Это уже два парня, —Ева хохочет, откинув голову назад, и он касается ее голой шеи ртом, а потом пропадает, исчезает, словно кусочек сахара растворился в кипятке.

Она танцует одна, потом с кем-то, потом с кем-то другим. Снова одна, потом возвращается за столик. Кого-то она уже видела, кто-то сменился. Какая-то парочка целуется прямо за столом, одна из девушек вытирает слезы – непонятно, от смеха или нет Ева вспоминает, что хотела встретить здесь Вальтера, оглядывается. Даже если бы он тут был, вряд ли она нашла бы его. Один из мужчин в новой компании снова заказывает коктейли на весь стол, официант приносит целый

поднос. Ева берет бокал, она не чувствует усталости. Внезапно рядом садится Лотта – платье в порядке, автоматически отмечает Ева.

—Ты кажется ему понравилась! —она хохочет.

—Кому? Который пристал ко мне со своими глупостями? Или привратнику?

—Обоим? Мальчики такие глупые!

Не поспоришь. Неожиданно на танцполе она замечает блондина, которого она угостила шнапсом. Он танцует с девушкой в ярком платье, потом она уходит и он подхватывает другую, еще одну. Ева удивляется мимоходом – он что, совсем не устал? Брюнет между тем танцует с высоким парнем в глубоко расстегнутой рубашке. Прийти с тремя девушками, а в итоге танцевать с мужчиной, ей вдруг становится смешно – судя по всему, девушек до изнеможения затанцевал его друг, и ему ничего не досталось.

Оркестр уходит на паузу, музыканты садятся за столик.

—Саксофон симпатичный, —говорит Лотта, закуривает.

—Мне контрабас больше нравится, —Ева пододвигает к себе еще коктейль, пока никто не смотрит.

Лотта сует руку под стол и ловко достает фляжку, наливает в пустой бокал.

—Знаешь, мне кажется, что тут не убывает, —она задирает подол и пристраивает фляжку обратно.

Оркестр поднимается после перекура, и Ева вскакивает – вдруг удастся потанцевать с этим блондином? Высокий, кра-

сивый, неутомимый И хлопал ей. Но его уже нет, она разочарованно озирается в поисках партнера. Она и парню из полиции цвета была бы рада, но он, наверное, уже занят.

Ее подхватывает мужчина, лица не видно в пятнах света от прожекторов и зеркального шара, да она и не пытается рассмотреть. Уверенно берет за талию, ведет, не слишком прижимая к себе. Она закидывает руки ему за шею, кладет голову ему на плечо. Она любит танцевать, а он хорошо танцует, ведет уверенно, и сразу понятно, что он будет делать дальше. Некоторые мужчины такие суетливые, хлопочут всем телом, то собираются одно сделать, то другое, а в итоге неожиданно делают что-то третье. Этот не такой. Предсказуемый, спокойный.

Они танцуют медленно, потом быстро, потом она теряет его в толпе. Самое веселье, все уже пьяны, стало еще более шумно и оживленно. Кто танцевал в начале, переместились за столики и теперь вальяжно курят, потягивают коктейли и шампанское, наблюдают за танцующими. А те, кто сидел за столиками в начале вечеринки, уже дошли до нужной кондиции, чтобы начать танцевать, и потому танцпол намного живее и разнузданнее, чем поначалу.

Потом всё смешивается. Музыка становится громче. Кто-то лезет на сцену, хлопает пробка от шампанского, взвизгивает девичий голос. Шампанское брызжет сверху. Кто-то кричит «ура».

Люди визжат, хохочут. Ева чувствует, как ледяная жид-

кость попадает на макушку, течет по затылку. Она запрокидывает голову, чтобы краска не потекла на лицо. Синие брызги бегут по шее на спину, на плечи. Она пытается выбраться с площадки, расталкивает локтями людей. Кто-то выталкивает ее, то ли помогая уйти, то ли чтобы она не мешала. Кто-то накидывает ей на плечи пиджак:

— Не снимай, все равно синий! — и смеется.

Краска стекает по шее, пачкает воротник. Ева успевает подумать, что если пиджак шерстяной, то не закрасится. Хотя он и так синий. Она не успевает ответить, оборачивается — но рядом уже кто-то другой, толпа сомкнулась.

Она выходит покурить. Рядом у входа курит тот самый блондин, улыбается ей странной скользкой улыбкой. Сигарет у нее нет, не влезли в крошечную сумочку, он ее угощает и возвращается в клуб. Охранники — уже другая пара — смотрят на ленточку на ее запястье, кивают. На улице прохладно, но это приятно, пиджак согревает плечи. Ветер холодит мокрый затылок, шевелит челку. Сигарета горит долго. Ева смотрит на неоновую вывеску, на небольшую очередь у входа, кто-то еще хочет попасть внутрь. Это и есть счастье, острое мимолетное, которое не зависит ни от вчерашнего дня, ни от завтрашнего.

Она возвращается в клуб. Но столика не найти, Лотты нет, их компания растворилась, люди сменились уже не раз. Музыка уже не та, медленная, усталая. Контрабас локтем вытирает капли пота на висках, пианист вяло бренчит одной ру-

кой. И только саксофон брошенным котом продолжает подвывать не в такт. Люди расходятся. Ева допивает чей-то брошенный бокал и выходит на улицу. За Лотту она не беспокоится, эта не пропадет.

Когда она заходит во двор, Лотта сидит на капоте Хорьха, курит и болтает ногами. Она выглядит довольной. На шее у нее синее боа, кажется, то самое, которое было у девушки, которую не пустили в клуб.

—А я тебя потеряла, — говорит она, когда Ева подходит.

—А я тебя.

—Ничего. Нашлись.

Лотта спрыгивает с капота, пошатываясь, каблуки и несколько коктейлей дают о себе знать. Нитки на спине порваны, она удерживает платье на груди рукой.

—Я тебя слушалась, — говорит она, — До последнего.

—Ну, главное, что последний не подвел, — Ева смеется, — Трусы не потеряла? Белье нынче дорого!

—Упс, — Лотта задирает подол, делая вид, что проверяет наличие трусиков, — На месте, командир!

Фляжка по-прежнему торчит из-под резинки чулка, возможно, в ней даже что-то есть.

—Надеюсь, фрау Циммерман не смотрит из окна.

Глухой ночью никто из окон не смотрит, но вездесущая наблюдательность фрау Циммерман вошла в легендарium если не всего города, то их двора точно.

—Ты увела у кого-то боа? Молодец, рачительная хозяйка.

Все в дом, все в семью.

— Оно лежало в урне за углом, я не побрезговала.

Лотта рассматривает пиджак на плечах Евы, проводит по ткани.

— Это кто?

— Не знаю.

— Ты украла пиджак у незнакомого мужчины?

— Он сам мне дал.

— Значит, ты ему понравилась.

— И ему не жалко пиджака, — Ева пожимает плечами, — Некоторые могут себе позволить.

Подаренная бутоньерка совсем потеряла вид. Ева думает, можно ли ее переделать. Завтра она посмотрит. Дорогие вещи не должны быть одноразовыми. Лотта подходит ближе, трогает пальцем синее пятно у нее на шее, там, где текла краска.

— Я думала, засос.

— Берлинская лазурь.

— Ты похожа на павлина, который попал под дождь.

— Павлины любят дождь.

— Павлины любят, когда на них смотрят.

Ева не отвечает. Она думает о мужчине с которым танцевала. Пытается вспомнить его лицо, но она даже не заметила, кто это был. Она видела сотни людей сегодня. И никто из них не запомнился, кроме обдолбанного доминанта. Даже тот мужчина, Гидди — она помнит впечатление, но не помнит

его лица. Светлый костюм, нервная рука с ключами. Светлый? Разве на нем не был ничего синего? Она даже этого не помнит

Она запирает дверь квартиры, сбрасывает туфли, опускается на диван. Лотта уже в кровати, свернулась калачиком, платье синей лужей брошено на пол.

Завтра будет совсем другой день.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.